

зала 18

шкафъ

полка

№

208/87

2

126

2

С 595

П 15

С 595 Сам.

П 15

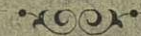
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА
САМАРКАНДСКОЙ
ОБЛАСТИ
НА 1894 ГОДЪ.

Издание Самаркандскаго областного Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ II.

*Подъ редакціей и. д. Секретаря областного
Статистическаго Комитета*

М. Вирскаго.

Самаркандъ.

Типографія Штаба войскъ Самаркандской области.

1894.

W 24

ГОРЬКА
Р.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА
САМАРКАНДСКОЙ
ОБЛАСТИ
НА 1894 ГОДЪ.

Изданіе Самаркандскаго областного Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ II.

Подъ редакціей и. д. Секретаря областного
Статистическаго Комитета

367/3
В. М. Вирскаго.

—❧❧❧—
Самаркандъ.

Типографія Штаба войскъ Самаркандской области.
1894.

копѣекъ семействамъ чиновниковъ, получавшихъ на службѣ меньше противу сего жалованья, распространяется и на семейства чиновниковъ, служившихъ въ Туркестанскомъ краѣ.

ЧАРОДѢЙСТВО,

ГАДАНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ САРТЯНОКЪ ВЪ САМАРКАНДѢ.

Л. Симоновой (Хохряковой).

Самаркандъ изобилуетъ ворожеями и лекарками. Въ каждой улицѣ сартовскаго города можно найти нѣсколькихъ ворожей.

При замкнутой жизни сартовской женщины, при изолированности ея отъ общества мужчинъ сами условія жизни выработали леченіе женщинъ женщинами, а стало-быть лекарку. Отсутствіе-же общественныхъ интересовъ и вообще какихъ бы ни было вопросовъ, переходящихъ за черту гаремной жизни, развило въ мусульманской женщинѣ стремленіе къ такой сторонѣ нашего существованія, гдѣ дается просторъ воображенію и чувствамъ, стремленіе къ міру чудесъ, жажду сверхъ-естественныхъ явленій. Это создало ворожею.

Лекарки и ворожеи пользуются уваженіемъ и довѣріемъ населенія. Пациентки, кажется, и мысли не допускаютъ о шарлатанствѣ. По мнѣнію туземнаго общества, ворожеи и лекарки—лица избранныя, одаренныя особыми способностями, особою силою прозрѣвать будущее, углубляться въ прошедшее, видѣть факты или событія, совершающіеся за стѣнами ихъ жилищъ и на какомъ-бы ни было разстояніи. Ихъ осыпаетъ ореолъ таинственности.

Нѣкоторые изъ этихъ избранницъ и сами вѣрятъ въ

свое призваніе, другія-же только увѣряютъ другихъ, что онѣ находятся въ непосредственномъ общеніи съ міромъ духовнымъ, что онѣ окружены незримыми для постороннихъ, непосвященныхъ лицъ, добрыми духами, которые покровительствуютъ имъ, и злыми, которые имъ вредятъ. Отсюда является такое положеніе лекарки и гадалки, при которомъ допускается и удача, и неудача практики. Первая зависитъ отъ степени сочувствія добрыхъ, вторая отъ степени внимательства злыхъ духовъ.

Леченіе и ворожба обыкновенно не разграничиваются сартянками на профессіи. Каждая лекарка есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ворожея. Она лечитъ, даетъ совѣты, предсказываетъ будущее, гадаетъ объ отсутствующихъ лицахъ, о потерянныхъ вещахъ.

Мужчины, однако-же, не имѣютъ права лично прибѣгать къ помощи ворожей. Они сообщаютъ о своихъ недугахъ черезъ посредство женъ и родственницъ своихъ или съ своими вопросами обращаются къ мужу ворожей, ея сыну, брату и т. п. и черезъ нихъ получаютъ лекарство или отвѣты на данные вопросы.

Въ Самаркандѣ особенно развито гаданіе объ утерянныхъ и украденныхъ предметахъ. Въ этомъ отношеніи, говорятъ, самаркандскія ворожеи наиболѣе искусны. Много разъ мнѣ случалось слышать отъ сартовъ, что ихъ ворожеи знаютъ, гдѣ находится потерянная вещь или кѣмъ она украдена.

Къ услугамъ мужчинъ, впрочемъ, существуютъ знахари и лекаря. Къ нимъ, въ свою очередь, не имѣютъ права обращаться непосредственно женщины.

У самаркандскихъ гадалокъ карты еще не вошли въ употребленіе. Сартянки сохранили способы гаданія и леченія, унаслѣдованные отъ предковъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ способовъ, скорѣе обрядовъ, мнѣ удалось познако-

миться. Съ цѣлью ознакомленія, я посѣтила нѣсколькихъ самаркандскихъ ворожей, говорила съ ними черезъ посредство особы, знакомой съ сартовскимъ языкомъ, гадала и лечилась у нихъ.

Во главѣ самаркандскихъ гадалокъ стоитъ Чаръ-Чиракъ т. е. чародѣйка. Она пользуется такою популярностью, что стоитъ только пріѣхать на базаръ и спросить:—гдѣ живетъ чаръ-чиракъ? то не только всякій сартъ, но и всякій ребенокъ разъяснить ея адресъ. На вопросъ: почему она считается главною? Получится отвѣтъ:—потому что она единственная чародѣйка города, а прочія ворожей. Она чаръ-чиракъ, а прочія фольбинь.

Названіе чародѣйки она носитъ потому, что духъ, который у ней пребываетъ и ей покровительствуетъ, хотя и остается для пациентокъ невидимымъ, какъ и у всѣхъ фольбинь, но позволяетъ присутствующимъ слышать свой голосъ. Пациентки не только слышатъ, какъ онъ разговариваетъ съ чаръ-чиракъ, но могутъ и сами предлагать ему вопросы и получаютъ отвѣты. У другихъ ворожей или фольбинь, считаемыхъ второстепенными, покровительствующіе имъ духи не заявляютъ о своемъ присутствіи такъ открыто.

ЧАРЪ-ЧИРАКЪ*)

(чародѣйка)

Эта женщина 54-хъ лѣтъ, уроженка города Самарканда, таджикскаго племени. Она средняго роста, пропорціонально сложена и моложава. На кругломъ желтоватомъ лицѣ морщинъ почти нѣтъ. Ея ротъ и носъ не велики, чер-

*) Чаръ—четыре, чиракъ—ночникъ; отсюда: гаданіе на четыре свѣта,—чародѣйка, гадающая на четыре свѣта.

ные небольшіе глаза круглой формы, вѣки по бѣдности рѣсницъ обведены ободками какой-то черной краской, сообщающей глазамъ нѣкоторый блескъ, щеки нарумянены, зубы, хотя и желтаго цвѣта, достаточно сохранились: ровны и довольно широки. Въ общемъ лицо красиво и могло-бы назваться пріятнымъ, если-бы его не портила лукаво-нахальная улыбка и острый бѣгающій взлядь.

Красный бумажный платокъ, сложенный въ видѣ повязки и надвинутый немного на лобъ, былъ завязанъ концами назадъ, при чемъ онъ придерживалъ другой бумажный платокъ, распушенный во всю длину такъ, что онъ покрывалъ тѣло и часть спины чародѣйки.

Красная ситцевая рубаха, изъ подъ которой чуть-чуть виднѣлись шаровары яркаго цвѣта съ напускомъ на чиги (сафьянные сапожки) и халатъ изъ бумажной полосатой матеріи, (въ родѣ нашего тика), вакинутый на плечо, составляли костюмъ чародѣйки, когда я въ первый разъ посѣтила ее.

Какъ и можно ожидать, чародѣйка особа не бѣдная.

Оставивъ извозчика на базарѣ, мы съ переводчицей узкими, и такъ какъ это было въ февралѣ,—грязными переулками добрались до двора чаръ-чиракъ иѣшкомъ. У воротъ мы случайно встрѣтились съ мужемъ чародѣйки, сартомъ лѣтъ сорока. Онъ и проводилъ насъ къ женѣ своей. Мы прошли два обширныхъ двора, оба застроенные по сторонамъ саклями или какими-то постройками въ родѣ чуланчиковъ. Посреди перваго двора вырытъ большой прудъ, посреди втораго—также прудъ, но этотъ второй предназначенъ, очевидно, не только для омовенія. При немъ устроена возвышенная площадка изъ жженого кирпича, а надъ площадкою группа деревьевъ распростерла свои вѣтви. Здѣсь семья пользуется отдохновеніемъ; здѣсь-же, можетъ—быть, по праздничнымъ днямъ или наканунѣ ихъ, говоритъ мулла

свои назиданія и читаетъ священныя книги. На второмъ же дворѣ помѣщаются женщины.

Мужъ предупредилъ жену свою о нашемъ приходѣ и чародѣйка встрѣтила посѣтительницъ у дверей сакли и жестию просила войти.

Сакля, какъ и всѣ, за небольшимъ исключеніемъ сартовскія постройки, не имѣетъ ни печи, ни оконъ и свѣтъ въ нее пропускается только въ отворенную дверь. Весь земляной полъ сакли устланъ толстою киргизской работы кошмою. Никакой мебели я не замѣтила, кромѣ двухъ табуретовъ—одного обыкновеннаго, другого низенькаго, на которыхъ лежали стопки стеганыхъ ваточныхъ одѣялъ, аккуратно сложенныхъ. Въ стѣнѣ, противъ двери, устроены три ниши, изъ нихъ обѣ крайнія ничѣмъ не были заняты, а средняя закрыта, опущенною занавѣскою, спитою изъ маты (грубой бумажной ткани) и прикрѣпленной къ нимъ сверху и съ правой стороны гвоздями. Сверху, однако-же, между гвоздями, занавѣска оттянулась и образовала щель, въ которую видна была глубина ниши, не превышающая 5-ти вершковъ. За этой занавѣскою и обитаетъ, по народнои молвѣ, таинственный покровитель чаръ-чиракъ, духъ—пари.

Пригласивъ насъ войти, чародѣйка пожала мнѣ руку и быстро отошла и сѣла на полъ спиною къ занавѣскѣ, какъ-бы выражая желаніе защитить собственною особою обиталище духа, если-бы мы вздумали подойти и открыть таинственную завѣсу.

Когда мы вошли въ саклю, тамъ было нѣсколько женщинъ и мальчикъ лѣтъ восьми. Какъ я потомъ узнала, одна изъ женщинъ—дочь чародѣйки, другая прислуга, остальные посѣтительницы. Мальчикъ—сынъ чаръ-чиракъ. Одна изъ посѣтительницъ явилась просить помощи больному мужу, недугъ котораго только что передъ нашимъ приходомъ объя-

сила, другія лечиться отъ собственныхъ болѣзней. Вѣ женщины сидѣли на полу и при видѣ насъ встали.

Убѣдившись, что мы не имѣемъ намѣренія проникнуть за занавѣсъ, чаръ-чиракъ встала и скинувъ съ одного табурета одѣяла предложила мнѣ его.

Переводчица поторопилась объяснить, что я пришла гадать. Чародѣйка весело улыбнулась и улыбка, припавшая отънокъ самонадѣянности и нахальства, уже не сходила съ лица ея во все время сеанса.

По мановенію руки чаръ-чиракъ, вѣ присутствующіе, кромѣ ея дочери, удалились изъ сакли. Остановивъ на мнѣ свой острый взлядъ, она вопросительно мотнула головою на занавѣску. Я отвѣчала утвердительнымъ кивкомъ. Черезъ переводчицу она спросила:

— О чемъ барыня хочетъ гадать?

Я отвѣчала, что у меня нѣтъ никакихъ вопросовъ, но что меня просто интересуешь, что скажетъ духъ? Чаръ-чиракъ въ знакъ того, что она поняла, кивнула мнѣ и легла на полъ головою къ занавѣскѣ, а потомъ, выкрикнувъ нѣсколько разъ: Таксыръ! Таксыръ! (господинъ) насторожила ухо. Вскорѣ она обернулась ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ и сказала:

Онъ здѣсь и будетъ говорить!

Насъ она пригласила послѣдовать ея примѣру т. е. лечь на полъ, что мы и исполнили. Изъ ниши слышались едва уловимые звуки, напоминавшіе пискъ комара. Какъ ни прислушивалась я къ этимъ звукамъ, но объяснить, вслѣдствіе чего происходятъ они, или посредствомъ чего производятся, не могу. Само-собою разумѣется, что ихъ производилъ кто-нибудь изъ близкихъ чародѣйкѣ лицъ за стѣною сакли на большемъ или меньшемъ отъ ниши разстояніи и посредствомъ какого-нибудь приспособленія. Звуки эти не были ровны: порою слышны были дребезжа-

нія, порою выкрикиванія, но опять-таки едва уловимыя. Иногда казалось, что въ саклю доносятся откуда-то выкрикиванія «петрушки», иногда же звуки напоминали дѣтскую игру на гребнѣ. Если-бы можно было предположить, что чаръ-чиракъ знакомъ съ телефономъ, то я скорѣе всего пришла-бы къ заключенію, что изъ сакли, занимаемой мужемъ, народѣйки на переднемъ дворѣ, въ нишу обитаемую духомъ проведенъ плохо устроенный телефонъ.

Въ то время какъ я прислушивалась, стараясь разобратъся въ причинахъ появленія звуковъ, переводчица улавливала смыслъ произносимыхъ духомъ фразъ и переводила на русскій языкъ. Мнимый духъ говорилъ: — Хотя вы мнѣ не задали вопросовъ, но я самъ знаю, что женщины всегда гадаютъ о мужчинахъ и тотъ, о которомъ гадаетъ барыня, очень далеко отсюда, но онъ живъ и здоровъ.

Чаръ-чиракъ, понявъ, что духъ попалъ не въ тонъ, прервала его вопросомъ: —

— Такъ-сыр! что будетъ съ барыней?

— О, она будетъ жить до глубокой старости, и будетъ богата и счастлива, отвѣчала такъ-сырь.

Соскучившись выслушивать общія мѣста и самыя банальныя фразы, я просила чаръ-чиракъ прервать предсказанія духа и рассказать лучше, что это за духъ, съ какого времени онъ поселился у ней въ нишѣ, добрый онъ или злой и почему ей покровительствуетъ? — Это пари (духъ), заговорила она съ веселымъ лицомъ, на которомъ и тѣни не было благоговѣнія, ни даже уваженія къ духу и къ тому, что она собиралась рассказать. Это пари дарованный мнѣ Богомъ. Онъ добрый духъ и покровительствуетъ мнѣ съ самого моего рожденія, да онъ и родился со мною вмѣстѣ. Вотъ какъ это было. Когда мать моя ходила беременною мною, то однажды почувство-

вала, что ее кто-то невидимый толкнулъ снаружи въ животъ. Боли она не почувствовала, но когда осмотрѣла себя, то увидала черное пятно на томъ мѣстѣ, гдѣ чувствовался толчокъ. Пятно это не исчезало до моего появленія на свѣтъ. Со времени толчка мать начала чувствовать, что носить не одну меня, а и еще кого-то другого, невѣдомаго. Это и былъ мой пари. Онъ вошелъ ко мнѣ, родился со мною и живетъ, не разлучаясь. Вотъ здѣсь, за занавѣской, его жилище. Изрѣдка онъ улетаетъ, но не надолго и всякій разъ я знаю, когда онъ намѣревается покинуть свое жилище: тогда въ саклю собирается масса мухъ, какъ-бы для того, чтобы нести его на своихъ крыльяхъ.

На вопросъ о наружности пари, чаръ-чиракъ отвѣчала, что въ дѣтствѣ и въ молодости до замужества, она почти постоянно видѣла его въ видѣ пара или струйки дыма, а со времени замужества перестала видѣть и удостоивается только правомъ вызывать его къ прорицанію. Если духъ не воспротивится, то чаръ-чиракъ передаетъ свое право въ наслѣдство дочери. Гаданьемъ и леченьемъ занимались и мать чаръ-чиракъ, и бабка, и пробабка ея, но ни одна изъ нихъ не была чаръ-чиракъ,—все онѣ были простыми фольбинъ. Она-же умоляетъ духа даровать ея дочери право, какимъ пользуется сама.

— Кромѣ меня, заключила свой рассказъ чаръ-чиракъ, никто не видалъ и не увидитъ моего пари. Моя дочь, чтобы быть достойною видѣть духа, когда займетъ мое мѣсто чаръ-чиракъ, не выходитъ замужъ. Дѣвицѣ онъ скорѣе покажется, чѣмъ женщинѣ.

Чаръ-чиракъ не изъ тѣхъ гадалокъ, которыя сами вѣрятъ въ свое могущество, такъ показалось мнѣ и по выраженію лица и по тону голоса, которымъ она вела свой рассказъ. Она даже не сочла нужнымъ притвориться серьезно, растроганною или, по крайней мѣрѣ, скромною и осто-

рожною. Неужели сартянкамъ, ея пациенткамъ, не приходится въ голову, что если-бы за занавѣскою дѣйствительно находился пари т. е. духъ—сила дѣйствующая и управляющая, испославная Богомъ, то какъ присмирѣла-бы сама чаръ-чиракъ, какъ осторожно говорила-бы она, какъ молилась-бы передъ тѣмъ, какъ обращаться къ духу?

Было-бы странно, если-бы мнѣ не пришла въ голову мысль заглянуть за занавѣску и хотя бѣгло взглянуть на устройство ниши. Мы стояли у самой занавѣси и несмотря на то, что чаръ-чиракъ защищала нишу, сидя по прежнему спиною къ ней, можно было-бы быстрымъ движеніемъ руки откинуть занавѣсъ! И соблазнъ былъ великъ! Но что было-бы, если-бы я позволила себѣ такой поступокъ? Безъ сомнѣнія, я потеряла-бы право посѣтить и чаръ-чиракъ во второй разъ и всякую другую гадалку. Мое насиліе вызвало-бы вражду ко мнѣ,—сартянки весьма подозрительны и недоувѣрчивы. А между тѣмъ было болѣе чѣмъ сомнительно, что-бы чаръ-чиракъ согласилась удовлетворить мое любопытство. Я, однако-же, рѣшилась такъ или иначе подѣйствовать на нее и чтобы помочь ей въ затруднительномъ положеніи, начала убѣждать чаръ-чиракъ открыть занавѣску, заявляя въ то-же время, что я не лишу себя надеждой видѣть ея покровителя, такъ какъ понимаю, что недостойна этого.

— Вы, можетъ-быть, думаете, что тамъ сидитъ человѣкъ? спросила она недовольнымъ тономъ. Ей не понравилось мое любопытство.

— Нѣтъ, я знаю, что тамъ человѣкъ не помѣстится, ниша мелка для этого. Откройте-же, пожалуйста, занавѣсъ.

— Этого я никогда не дѣлаю, никто не видалъ пари и вы не увидите.

Я обѣщала награду чаръ-чиракъ, если она сдѣлаетъ исключеніе для меня.

— Ни за какія сокровища въ мірѣ! сказала она тономъ, не допускающимъ возраженія.

Я, однако, продолжала настаивать. Въ разговоръ вмѣшалась, сидѣвшая въ сторонѣ, дочь чародѣйки, будущая чаръ-чиракъ. Она съ жаромъ стала поддерживать свою мать, а меня принялась запугивать. Разговоръ черезъ переводчицу ей показался медленнымъ, она нетерпѣливо вскочила на ноги и, вставъ передо мною, начала мимическій разговоръ, объясняя порывистыми жестами, что если я увижу пари, то могу ослѣпнуть, что я могу упасть навзничъ и моментально умереть, что со мною могутъ случиться конвульсии и судороги. На все это я отвѣчала, что пари я не увижу, а потому и никакихъ бѣдъ со мною не случится, что я желаю видѣть только жилище духа.

Съ цѣлію отвлечь мое вниманіе отъ ниши, чаръ-чиракъ спросила, не желаю-ли я узнать, что мнѣ скажетъ книга. Я приняла предложеніе.

Мнѣ снова былъ предоставленъ табуретъ. Чародѣйка послала дочь за книгой и когда мы остались одиѣ, стала въ меня вглядываться, какъ будто изучая меня по выраженію моего лица. Пользуясь этимъ, я раза два молча кивнула ей на занавѣску, но каждый разъ получала въ отвѣтъ отрицательное мотанье головою. Дочь вернулась, подала матери книгу и тотчасъ-же вышла изъ сакли, притворивъ за собою дверь. Она, кажется, была увѣрена, что аргументы ея на меня подѣйствовали.

Свѣтъ въ саклю проникалъ только въ щель и падалъ, вѣроятно, случайно на мою особу. Чародѣйка-же, сидѣвшая у занавѣси, была въ тѣни. Взявъ въ руки книгу, она поцѣловала ее, положила на колѣни и стала перелистывать.

Было настолько темно, что читать было невозможно, но чаръ-чиракъ не отворила двери и не приблизилась къ свѣту. Да она, вѣроятно, и не нуждалась въ свѣтѣ. Едва-

ли она грамотная! Она какъ-то безучастно перевертывала страницы, уставлялась въ одну точку и, не слѣдуя взглядомъ по строкамъ, перевертывала листы далѣе. Какъ дѣти, еще не умѣющія читать, копируя большихъ, держатъ перель собою раскрытую книгу, такъ и чаръ-чиракъ только дѣлала видъ, что читаетъ и розыскиваетъ въ книгѣ мѣсто, гдѣ обо мнѣ написано. Это было смѣшно, но я старалась сохранить серьезное отношеніе къ дѣлу, чтобы не повредить себѣ въ ея мнѣніи. Порою она прерывала свое занятіе и пристально взглядывала на меня.

Уловливая ея взглядъ, я кивала на занавѣсъ. Она машинально отрицала и въ то-же время, казалось, обдумывала, что должна сказать мнѣ книга.

Наконецъ чародѣйка перекинула сразу почти половину книги и остановилась на предпоследней страницѣ.

— Брось деньги! сказала она.

Когда-же я подала ей монету изъ рукъ въ руки, она сама бросила ее на полъ.

— Барыня! ты будешь долго жить. Ты много заботишься. У тебя много враговъ и почти нѣтъ друзей, даже тѣ, которыхъ ты считаешь друзьями—враги твои. Они желаютъ тебѣ зла и мѣшаютъ достигать того, чего ты желаешь достигнуть.

Чаръ-чиракъ остановилась и вопросительно смотрѣла на меня. Я выслушала и молча кивнула головою на занавѣску.

Въ глазахъ чародѣйки мелькнулъ огонекъ. Она даже измѣнилась въ лицѣ и вдругъ рѣшительнымъ тономъ заговорила:

— Барыня мнѣ нравится. Ея душа загорѣлась желаніемъ видѣть пари. Не нужно мнѣ ея денегъ, я открою занавѣсъ! Только его она не увидитъ, а посмотреть на мѣсто, гдѣ онъ живетъ. Она улыбнулась мнѣ пріятельски,

попросила переводчицу открыть дверь, а сама встала и подняла занавѣску.

Глазамъ моимъ представилась обыкновенная ниша съ полками. На полу ниши я увидѣла тонкій ватный тюфячекъ четверти въ двѣ длиною, покрытый лоскутомъ маты — постель духа. Тутъ же стояла жестяная коробочка изъ-подъ монпасье безъ крышки и пустая. Нижнюю полку занимали пустыя глиняныя чашечки, должно-быть для сбора денегъ, и пукъ свѣчей длиною въ четверть. (Это просто лучинки обмокнутыя въ баранье сало).

На второй или верхней полкѣ стояла одна большая глиняная чашка, наполненная лоскутками бумаги, исписанными по-сартовски, — рецепты духа. Тутъ же лежала острая деревянная палочка — перо духа и маленькая глиняная чашка съ черною краскою.

Никакихъ особыхъ приспособленій для переговоровъ въ нишѣ не было и никакихъ отверстій не замѣчалось. Сеансъ быть оконченъ. Оставалось проститься. Я поблагодарила чаръ-чиракъ, положивъ ей деньги въ руку во время пожатія. На этотъ разъ она не бросила ихъ на полъ, а положила въ одну изъ глиняныхъ чашечекъ, находившихся въ нишѣ.

Барыня не обратила вниманія на то, что сказала ей книга, замѣтила съ улыбкою чаръ-чиракъ. У барыни много враговъ и ей слѣдовало-бы сдѣлать ихъ безсильными вредить.

— Ну, какъ-же это сдѣлать?

— Я помолюсь нари и попрошу его указать способъ.

Конечно, я обрадовалась случаю играть роль пациентки и просила чародѣйку тотчасъ-же приступить къ дѣлу. Но она отказалась на томъ основаніи, что къ такому серьезному дѣлу нужно приготовиться, что она должна совершить омовеніе, ничего не ѣсть до заката и долгое время

молятся. Мы условились о днѣ второго посѣщенія и разставаясь пріятельски потрясли другъ други руки.

Въ назначенный день и часъ, мы пріѣхали къ чаръ-чиракъ и застали ее и двухъ посѣлительницъ—сартянокъ, лежащими на полу и слушающими изрѣченія пари. Завидя насъ, чародѣйка тотчасъ-же безъ церемоніи выпроводила своихъ пациентокъ. Мы были приняты съ изысканною любезностью. На этотъ разъ чаръ-чиракъ была въ торжественномъ настроеніи. Веселой улыбки не замѣчалось. Она была серьезна. Желтовато-блѣдное лицо оставалось безъ прикрасъ. Съ торжественнымъ настроеніемъ гармонировала и торжественный костюмъ. Она была одѣта вся въ бѣломъ и бѣлое длинное покрывало, привязанное къ головѣ повязкой, сдѣланной изъ бѣлаго-же платка, спускалось по спинѣ до полу. Она напоминала собою древнюю жрицу.

Усадивъ меня на табуретъ, чаръ-чиракъ взяла въ руки священную книгу, поцѣловала ее, приложила ко лбу и развернула. Тамъ лежали четыре лоскутка бумаги, написанные по сартовски. Одинъ изъ этихъ лоскутковъ былъ квадратный, вершка полтора длины и ширины, а остальные въ видѣ ленты, два въ четверть длиною и въ вершокъ шириною и одинъ въ три вершка длиною. На трехъ поплѣднихъ сдѣланы съ одного боку надрѣзы, раздѣляющіе рецепты, на 6 частей каждый и одинъ, что короче другихъ, на три части.

— Я много молилась о барынѣ, заговорила чаръ-чиракъ, и пари внялъ моимъ молитвамъ. Онъ написалъ для тебя собственноручно эти четыре рецепта. Она стала подавать мнѣ рецепты одинъ за другимъ, объясняя какъ поступать съ ними, чтобы оградить себя отъ всѣхъ козней враговъ и ложныхъ друзей.

Вотъ этотъ нужно зашить въ ладонку и носить на правомъ плечѣ, сказала она, подавая квадратный лоскутокъ бумаги. Содержаніе его слѣдующее:

Бисмъ-и-Алла Аль-рахманъ
Аль-рахма.

Хаидъ Султанъ Факыръ-Ходжа
Махсадъ Падша Шайхъ
Маула Мухаммадъ-ет-динъ
Халильъ.

Во имя Бога, милостиваго
и милосерднаго.

Хаидъ Султанъ Факыръ
Ходжа Махсадъ Падша Шайхъ
Маула Мухаммадъ-ет-динъ
Халильъ*).

Вотъ отъ этого рецепта, продолжала чаръ-чиракъ, нужно каждый вечеръ отдѣлять по надрѣзу частицу, сжигать ее и раздувать пепелъ въ воздухъ. Это былъ рецептъ, раздѣленный на 3 части. Отъ этого отдѣлять по частицѣ также по надрѣзу и пить вечеромъ, а отъ этого по частицѣ пить утромъ. Это были два рецепта, раздѣленные на 6 частей.

Замѣтивъ мое недоумѣніе относительно употребленія двухъ послѣднихъ рецептовъ, чаръ-чиракъ пояснила:

— Слѣдуетъ наливать на бумагу немного воды и когда вода смоетъ чернила или краску съ бумаги, то эту воду выпивать непременно. Самую-же бумагу, барыня, если не пожелаетъ, можетъ не глотать, хотя лучше-бы было проглатывать и бумагу. Всѣхъ другихъ паціентокъ я даже обязываю къ этому.

Всѣ три рецепта были одного содержанія, кабалистическій смыслъ которыхъ—тайна ворожей; на одномъ, на примѣръ, начертано было до 30 знаковъ, напоминающихъ римскую цифру V, на другихъ такія-же пятерки, но на оборотъ, при чемъ знаки эти связаны полудугой по два и по три вмѣстѣ.

*) Съ подлинника перевелъ С. Лапинъ.

Помолчавъ, пока я розсматривала рецепты и прятала ихъ, чаръ-чиракъ закончила свои медицинскіе совѣты такъ:

— Если все будетъ исполнено какъ пари приказалъ, то не только ложные друзья барыни превратятся въ истинныхъ друзей, но и враги сдѣлаются друзьями или, по крайней мѣрѣ, будутъ безсильны вредить.

Съ благодарностью къ чаръ-чиракъ за ея заботы обо мнѣ, я, разумѣется, сказала ей, что все исполню, какъ она посовѣтовала.

Съ мыслью, не замѣчу-ли я, на этотъ разъ, чего-нибудь подозрительнаго въ нишѣ, я попросила чародѣйку показать мнѣ ее. Она безпрекословно исполнила мое желаніе. Тамъ, чего-нибудь новаго, обращающаго на себя вниманіе, не замѣтно было. Глиняныя чашечки только замѣнены были берестовыми коробочками, да подлѣ пучка свѣчей лежалъ, прикрѣпленный къ черному шнурку, для удобства надѣванія на шею, амулетъ чаръ-чиракъ, т. е. зашитая въ тряпочку выписка изъ корана, сдѣланная, какъ пояснила чародѣйка, рукою пари. Тутъ-же лежали очки чаръ-чиракъ. Очки съ большими круглыми стеклами прикрѣплены къ бѣлому кисейному лоскутку, въ которомъ вырѣзаны отверстія для стеколъ. Чаръ-чиракъ надѣваетъ очки преимущественно въ жаркое время года и то только при выходѣ изъ дома, для предохраненія глазъ отъ пыли и солнечнаго свѣта, слишкомъ яркаго здѣсь, — кисейный-же лоскутокъ покрываетъ лицо чародѣйки. Такимъ образомъ, чаръ-чиракъ въ лѣтнее время появляется на улицѣ подъ двумя покрывалами, чего не дѣлаютъ другія женщины, носящія одно черное волосяное покрывало.

При прощаньи чаръ-чиракъ предложилъ мнѣ свою медицинскую практику и на будущее время, если явится въ томъ необходимость. Я обѣщала навѣстить ее въ свободное время.

ФОЛЬБИНЪ*)

(Гадалка)

Н У Р Б И Б И.

Л. Симоновой.

Симпатичнѣйшее старенькое существо, 80-ти лѣтняя Нурбиби была первою фольбинъ, съ которою я познакомилась. Одинъ знакомый сартъ рекомендовалъ мнѣ ее, какъ хорошую гадалку. Онъ сопровождалъ насъ въ сартовскій городъ и узкими переулками довелъ пѣшкомъ до калитки жилища этой гадалки. Пройти въ калитку онъ не посмѣлъ, боясь встрѣтить женщинъ-сартянокъ не покрытыми, а потому оставилъ насъ однѣхъ, а самъ удалился.

Мы вошли прямо въ небольшой дворъ женской половины. Ни деревьевъ, ни кустовъ здѣсь не существовало. Дворъ былъ довольно грязенъ въ тотъ день, и не смотря на то, что начиналась весна, въ яму, предназначающуюся обыкновенно для омовенія, вода еще не была пущена и на днѣ ея видѣлся всякій соръ, сброшенный зимою. Замѣчалась небрежность хозяевъ къ жилищу почтенной старушки, а сама Нурбиби отъ старости и слабости сдѣлалась, вѣроятно равнодушною къ окружающему. На дворѣ никого не было. Влѣво отъ входной калитки, въ глиняномъ заборѣ видѣлось отверстіе на мужской дворъ. Отверстіе это было закрыто, приставленной къ нему плетенкой. Вправо отъ входа стояли подъ одной крышей три сакли, или лучше сказать, стоялъ небольшой глиняный сарай съ тремя открытыми дверями, стало-быть расгороженный на три жилища. Переводчица громкимъ призывомъ вызвала хозяйку. Въ дверяхъ появилась Нурбиби. Средняго роста, худенькая, она

*) Такъ называютъ сарты своихъ гадалокъ.

показалось мнѣ воплощеніемъ самой старости. Время давно погнуло станъ ея, а на безкровное съ продолговатымъ носомъ лицо старушки наложило такую массу глубокихъ, лучеобразныхъ морщинъ, что трудно сказать, была-ли эта старуха когда-нибудь красива. Костюму ея должно полагать было столько-же лѣтъ какъ и самой обладательницѣ его, до такой степени онъ потерялъ не только цвѣтъ, но и форму покроя. Ея рубаха, шаровары и халатъ казались сѣроватыми тряпичками. Голову облегалъ два также полинялые платка, которые обрамляли лицо такимъ образомъ: одинъ въ видѣ повязки наложенной на лобъ завязанъ былъ концами на затылкѣ, другой обхватывалъ подбородокъ и закапчивался узломъ на темени. Босыя ноги Нурбиби были обуты въ калоши. Старушка надъ своими глазами, щитомъ отъ солнечнаго свѣта, поставила руку и всматривалась въ пришедшихъ. Мы подошли. На насъ остановился взглядъ безцвѣтныхъ глазъ Нурбиби. Но хотя это были и безцвѣтные глаза, въ нихъ, казалось, сосредоточивался весь внутренний міръ старушки. Взглядъ свѣтился тепломъ, ласкою и смиреніемъ.

Много перенесла въ жизни своей Нурбиби, да и старость ея проходила не свѣтлою. Она вдова рисовальщика узоровъ для адраса—полушелковой сартовской матеріи. Мужъ ея былъ убитъ русскими при взятіи Самарканда. Сынъ наслѣдовалъ мастерство отца и все необходимое для этого обзаведеніе, такъ-же какъ и все хозяйство. Старушка кормится своимъ трудомъ. Искусству гадать и лечить она научилась отъ матери. Она, какъ и родители ея, самаркандская уроженка. Съ нею, на женской половинѣ, живутъ, замужняя дочь, жена сына и внуки.

Переводчица объяснила гадалкѣ цѣль нашего посѣщенія, мы обмѣнялись съ Нурбиби привѣтствіемъ, пожали другъ другу руки и, вмѣстѣ съ хозяйкой, вошли въ саклю.

Тамъ были: дочь Нурбиби, невѣстка, внукъ и двѣ молодыя, нарядныя сартянки—посѣтительницы, явившіяся ворожить. Вѣроятно изъ скромности, гости, узнавъ, что мы явились затѣмъ-же, зачѣмъ и онѣ пришли, уступили намъ свое право первенства и вышли изъ сакли; дочь Нурбиби и мальчикъ послѣдовали за ними, невѣстка-же осталась.

Мы осмотрѣлись: земляной полъ въ пріемной Нурбиби не былъ ничѣмъ застланъ, только въ углу, соединяющемъ правую стѣну со стѣною противоположною входу, лежала небольшая кошма, на которой и ютилось общество до нашего прихода; среди пола замѣчалось небольшое углубленіе съ остатками золы и остывшихъ углей, а у стѣны влѣво отъ двери стоялъ табуретъ, покрытый кошмою. Въ холодное время, сарты обыкновенно въ углубленіи пола разжигаютъ уголья, ставятъ надъ этимъ углубленіемъ табуретъ, покрытый одѣяломъ или кошмою, садятся на полу кругомъ такого очага и грѣютъ босыя ноги, протягивая ихъ подъ кошмою къ огню; края-же кошмы кладутъ къ себѣ на колѣни. И такъ, кромѣ принадлежностей, служащихъ для согрѣванія ногъ, въ саклѣ ничего не было. По приглашенію Нурбиби, мы съ переводчицей заняли единственный табуретъ, невѣстка-же, оставшаяся свидѣтельницею ворожбы, опустила на кошму въ углу сакли и все время молчала. Она пожилыхъ лѣтъ и не красива: съ круглымъ лицомъ и какъ-бы припухшимъ носомъ. Старушка принесла откуда-то бубенъ и небольшое складное зеркало, а когда мы обратились съ вопросомъ:—о чемъ гадать?

— Скажи просто, бабушка, что выйдетъ въ гаданьи, а вопросовъ у меня никакихъ нѣтъ, отвѣтила я ей черезъ переводчицу.

Нурбиби заняла мѣсто на-право отъ двери. Она опустила на полъ, спиною къ намъ, а зеркало поставила противъ себя, прислонивъ его къ стѣнѣ.

— Бросьте деньги! сказала она.

На этотъ разъ я знала, что предложеніе нужно исполнить буквально и бросила серебряную монету на-полъ. Нурбиби, не обративъ на это вниманія, тряхнула бубномъ. Прежде всего раздалися удары въ этотъ инструментъ, потомъ заговорила Нурбиби. Она призывала благословеніе Божіе и пророковъ, молила добрыхъ духовъ о помощи. Въ числѣ именъ, призываемыхъ ею, чаще всѣхъ слышалось слово: Сулейманъ т. е. Соломонъ. Говорила она на-распѣвъ и голосъ ея, привыкшій къ подобнымъ упражненіямъ, не дребезжалъ по-старчески, а былъ пріятнаго тона. По временамъ, старуха, наклонивъ нѣсколько голову впередъ, мотала ею изъ стороны въ сторону, какъ-бы отрицая что-то и тонъ ея голоса тогда перемѣнялся, она выкрикивала свои заклинанія повелительно и рѣзко.

— Это она прогоняетъ злыхъ духовъ и запрещаетъ имъ вмѣшиваться, сказала мнѣ переводчица, которая, къ сожалѣнію, не могла дословно переводить того, что говорила Нурбиби.

По мѣрѣ того, какъ старуха произносила свои призыванія и заклинанія, голосъ ея становился выше и увѣреннѣе. Въ немъ слышалось убѣжденіе. Старушка безспорно вѣрить въ чудодѣйственную силу своихъ призываній и заклинаній и этою вѣрою въ себя, въ собственную силу, является симпатичною. Я съ удовольствіемъ прислушивалась къ ея голосу. Вскорѣ она совѣмъ запѣла. Слова стала произносить быстрѣе и быстрѣе и удары въ бубень учащала. Въ звукахъ слышалась энергія, мощь. Нурбиби вдохновлялась и вдохновеніе ея казалось искреннимъ. Такъ притворяться, обманывать слухъ присутствующихъ, да еще въ ея годы, трудно. Вся эта подготовка къ ворожбѣ производила впечатлѣніе. Переводчица, украдкой, заглянула въ лицо старушки,—глаза ея были закрыты. Наконецъ, сов-

сѣмъ виѣ себя, Нурбиби съ силою ударила въ бубенъ, какъ-то рванула имъ, мгновенно поставила щитомъ своего лица отъ насъ и закричала:

— Ъдутъ, ъдутъ! къ вамъ кто-то ъдетъ! Письма будутъ!.. Новости будутъ!.. Радости много!... Шумъ... суета! Это родные, старые, молодые, дѣти!.. Къ вамъ пріѣдутъ родные.

Я была пріятно удивлена, что Нурбиби не ограничивается общими мѣстами большинства гадалокъ, съ важностью изрѣкающихъ о долгоденствіи и богатствѣ въ будущемъ, а высказалась эпизодически, даже картинно. Но, возбудивъ къ себѣ вниманіе, старушка вдругъ замолчала и опустила бубенъ. Очевидно, нить мыслей оборвалась. Мы предположили, что гаданіе окончилось, но на вопросъ объ этомъ переводчицы, старушка съ словами: подождите, подождите! махнула рукою въ знакъ того, чтобы ей не мѣшали сосредоточиться и стала молча смотрѣть въ зеркало. Вскорѣ она заговорила, на этотъ разъ медленно, какимъ-то таинственнымъ голосомъ, который упалъ до низкихъ нотъ.

— Недавно, вечеромъ, говорила Нурбиби, вы хотѣли выйти изъ комнаты въ другую, но въ дверяхъ мелькнула передъ вами тѣнь и исчезла. Вы такъ испугались, что отступили отъ двери, у васъ сердце забилося, въ вискахъ застучало. Вы растерялись и не знали, что съ вами случилось. Но я скажу вамъ, что это было. Васъ испугалъ пари!

Хотя съ словомъ пари я отчасти и познакомилась въ разговорѣ съ чаръ-чиракъ, но, желая добыть какія-нибудь новыя свѣдѣнія на этотъ счетъ, не преминула спросить:— кто такой пари?

Нурбиби пояснила. Толкованіе ея показалось мнѣ весьма интереснымъ, какъ потому, что оно выражаетъ собственное вѣрованіе старушки, а стало-быть и вѣрованіе сар-

тянокъ вообще, такъ и по потому, что оно отчасти имѣетъ сходство съ понятіемъ нашихъ европейскихъ спиритовъ о вмѣшательствѣ духовъ въ наши житейскія дѣла. Вотъ что она рассказала:

— Пари—это духъ, котораго посылаетъ Богъ человѣку, это душа умершаго. Каждый человѣкъ имѣетъ своего пари. Онъ дается ему при самомъ появленіи его на свѣтъ. Иногда неразлучно съ человѣкомъ бываетъ душа предка родственника или родственницы, иногда-же совсѣмъ чуждого пари. Это не злой духъ и не исключительно добрый, онъ обладаетъ человѣческими свойствами т. е. въ немъ сохраняются тѣ-же черты характера, тѣ-же наклонности, какими отличался обладатель души, человѣкъ во время земной жизни. Пари, приставленный къ человѣку, отчасти управляетъ имъ. Онъ внушаетъ ему мысли и поступки иногда добрые, иногда же печальные и дурные. Случается, что пари проникаетъ сквозь тѣло человѣка до самаго сердца и сливается съ нимъ. Если пари доволенъ человѣкомъ, то онъ оберегаетъ его отъ болѣзней и несчастій и даетъ ему веселое и спокойное направление мыслей. Если-же не доволенъ, то насыщаетъ человѣка страхъ, мрачное настроеніе духа, отчаяніе, болѣзни и всякія несчастія; въ крайнемъ случаѣ отнимаетъ близкихъ и любимыхъ людей. Чаще-же всего пари выражаетъ свое неудовольствіе наведеніемъ страха. Случается, что онъ такъ напугаетъ человѣка, что тотъ начинаетъ бояться оставаться одинъ въ саклѣ, особенно ночью. Въ темнотѣ со страху человѣкъ даже уснуть не можетъ, передъ нимъ все мелькаетъ что-то, все ему чудится то шаги, то шорохъ. И ужъ если человѣкъ, не смотря на то, что онъ находится одинъ въ саклѣ, начинаетъ слышать шаги, стукъ шорохъ, то можетъ-быть увѣренъ, что это производитъ пари съ цѣлю обратить на себя вниманіе человѣка или предупредить его о своемъ неудовольствіи.

Передъ барыней мелькнулъ пари, это значитъ, что онъ напоминаетъ ей о себѣ. Вѣроятно барыня давно не вспоминала пари, забыла о немъ.

Говоря все это, старушка, конечно, уже не смотрѣла въ зеркало, а повернулась къ намъ, перейдя на обычный, разговорный тонъ голоса.

Если-бы я сказала Нурбиби, что я не только не вспоминала о пари, но даже и не знала о его существованіи и вполне отвергаю весь ея рассказъ о мельканіяхъ, о шорохахъ, то это не соответствовало-бы цѣли моего посѣщенія Нурбиби, и дальнѣйшія отношенія между нами были-бы прерваны, а потому, напротивъ, я постаралась поддержать разговоръ, поощрить старушку къ дальнѣйшимъ сообщеніямъ и дѣйствіямъ, чего и достигла. Я спросила, не знаетъ-ли она какого-нибудь способа умиротворить моего пари. Совѣтъ ея заключался въ слѣдующемъ:

— Барыня должна принести жертву пари, сказала Нурбиби. Прежде всего можетъ зажечь ему свѣчу, Если-же это не удовлетворитъ его и онъ будетъ продолжать пугать и беспокоить васъ, то, Нурбиби, напоминая времена ветхозавѣтнаго іудейства или даже язычества, — сказала, что барыня должна понять, что онъ требуетъ иной жертвы, — жаждетъ крови. Нужно заколоть маленькаго, бѣлаго барашка и этою кровью помазать свои уши, глаза, виски и темя.

Я догадалась, что мы незамѣтно для себя перешли съ почвы гаданія на почву леченія и стала просить Нурбиби быть посредницей между мною и моимъ пари, съ тѣмъ, однако же, чтобы не приносить кровавыхъ жертвъ. Нурбиби согласилась успокоить моего пари и оградить меня отъ перспективы подпасть подъ испытаніе страха или боязни.

— Вашего пари зовутъ Коткотъ (Хотхотъ*), добавила она.

*) Правописаніе этого слова трудно на русскомъ языкѣ, такъ-же какъ и произношеніе его. У насъ нѣтъ соответствующаго

Намъ предстояло совершить обрядъ. Старушка предложила мнѣ доставить ей два куска мыла, пачку иголокъ и кувшинъ для воды, не бывшій еще въ употребленіи. На вопросъ, не могу-ли я тотчасъ-же просить переводчицу купить требуемыя для обряда вещи и не выходя изъ сакли, предоставить себя въ распоряженіе Нурбиби, старушка отвѣчала отказомъ, ссылаясь, какъ и чаръ-чиракъ, на то, что ей нужно приготовиться. Мы условились, что я посѣщу ее черезъ недѣлю, въ первый праздничный день.

Намъ оставалось проститься, но тутъ я вспомнила фактъ, которымъ могла поставить Нурбиби въ большое затрудненіе и меня интересовало, какой способъ придумаетъ старушка, чтобы выйти изъ этого затрудненія. Черезъ переводчицу я сообщила ей, что у одной женщины, дней десять тому назадъ, пропалъ мальчикъ, сынъ, и что всѣ поиски оказались тщетными**). Я просила Нурбиби погадать: живъ-ли ребенокъ и гдѣ онъ находится? Переводчицу-же предупредила, чтобы она не произносила слово мальчикъ, а выражалась словомъ ребенокъ, съ цѣлью предоставить старушкѣ опредѣлить и полъ, къ которому принадлежитъ пропавшее дитя.

Сперва Нурбиби отказалась исполнить мою просьбу, говоря, что лучше отложить гаданье дня на два, такъ какъ въ данномъ случаѣ нужно много молиться, и что теперь она не въ силахъ умолить духа, показать ей гдѣ ребенокъ, что вслѣдствіе ея слабости духъ можетъ показать ей не вѣрно или совсѣмъ не показать, такъ какъ она устала. Мнѣ-же не хотѣлось откладывать. Я опасалась, что Нур-

щихъ звуковъ: первую согласную букву нужно выговорить звукомъ среднимъ между *К* и *Х*, гласную между *о* и *а*, вторую согласную между *т* и *и*.

**) Фактъ дѣйствительный.

биби въ эти два дня, постарается черезъ какихъ-нибудь своихъ агентовъ собрать свѣдѣнія о ребенкѣ, и чтобы не дать ей возможности провести меня, я настаивала на томъ, чтобы она хоть сдѣлала попытку.

Старушка уступила со словами:

— Хорошо, я попробую, но не ручаюсь, что увижу что-нибудь. Кто этотъ ребенокъ, дѣвочка или мальчикъ и сколько ему лѣтъ? спросила Нурбиби.

Полъ ребенка мы умышленно скрыли, а сколько ему лѣтъ не могли сказать, такъ какъ фактъ пропажи мальчика я узнала стороною, случайно и никакихъ подробностей объ этомъ не знала, и никогда не видала мальчика, о которомъ просила гадать.

Не получивъ отъ насъ желаемыхъ свѣдѣній, старушка въ раздумьи сѣла на прежнее мѣсто и поставила передъ собою зеркало.

На этотъ разъ, по прочтеніи молитвы, Нурбиби закрыла лицо обѣими руками и нѣкоторое время сидѣла въ этомъ положеніи молча и неподвижно. Затѣмъ отняла руки, опустила ихъ на колѣна и стала всматриваться въ зеркало. Взглядъ ея выражалъ крайнюю сосредоточенность. Она даже вся нѣсколько погнулась впередъ. Я слѣдила за ней въ томительномъ ожиданіи. Не могу съ точностью опредѣлить сколько времени Нурбиби испытывала свои силы, можетъ-быть минутъ десять, а можетъ быть и болѣе, но потомъ она медленно подняла правую руку и указательнымъ пальцемъ этой руки обвела на своей щекѣ, около уха кружокъ.

— Я вижу, заговорила она тихо, не отводя глазъ отъ зеркала, дѣтское лицо, блѣлое съ родинкою на щекѣ. То-ли это дитя, о которомъ вы спрашиваете?

Я должна была еще разъ заявить, что не видала дитяти.

Нурбиби, не отрываясь отъ зеркала, продолжала:— Да, это тотъ самый ребенокъ! Духъ показалъ мнѣ его. Ему двѣнадцать лѣтъ; волосы у него короткіе, свѣтлые, лицо блѣлое съ родинкою на щекѣ. Но я не могу опредѣлить, какого онъ пола, духъ не открываетъ мнѣ этого. Ребенокъ живъ и здоровъ, онъ теперь у троихъ и говоритъ съ ними на непонятномъ мнѣ языкѣ. Эти трое напишутъ родителямъ письмо, а потомъ доставятъ и самое дитя. Пусть родители успокоятся.

Съ этими словами, Нурбиби провела рукавомъ своей рубахи*) по зеркалу, какъ-бы смывая картину и встала.

— Если духъ показалъ мнѣ не вѣрно, какъ-бы извинялась она, то вѣдь не я въ томъ виновата, а вы. Я предупреждала васъ, что должна много молиться, долго просить духа, что-бы онъ раскрылъ мнѣ тайну, которою окруженъ ребенокъ, а вы настояли, чтобы я гадала тотъ-часъ-же. Духа не слѣдуетъ испытывать. Это грѣшно!

Смиренность, скромность старушки были поразительны. Я пожалѣла, что подвергла ее испытанію, и съ этою мыслью оставила Нурбиби.

Не знаю, въ какой мѣрѣ происходила нравственная подготовка Нурбиби, долго-ли она молилась своимъ пари объ оказаніи ей помощи въ дѣлѣ умиротворенія пари Кот-кота, но съ внѣшней стороны было замѣтно приготовленіе къ приему посѣтителей, когда черезъ недѣлю мы снова появились въ жилищѣ почтенной старушки.

Дворъ на этотъ разъ былъ выметенъ, по арыкамъ

*) Рубашка сартянки напоминаетъ покроемъ нашъ ко-
поть: нѣсколько прямыхъ полосъ, сшитыхъ вмѣстѣ, собраны у
ворота на обшивку, только длинные, просторные рукава пред-
ставляютъ особенность. Они кроются длиннѣе рукъ и окончаніе
ихъ замѣняетъ сартянкамъ и перчатки и полотенца.

журчала вода и со звономъ падала въ яму. Сакля также глядѣла празднично, полъ ея былъ покрытъ кошмою, а на табуретѣ красовалось одѣяло. Сама Нурбиби была вся въ бѣлой одеждѣ и бѣлые платки на головѣ, по прежнему крестообразно повязанные, придерживали бѣлое кисейное покрывало, спускавшееся по спинѣ.

Переводчица передала старушкѣ привезенные нами кувшинъ, иголки и мыло. Та взяла кувшинъ и вышла съ нимъ во дворъ, гдѣ наполнила его водою. Вернувшись, она сѣла на томъ-же мѣстѣ, гдѣ сидѣла и во время перваго нашего посѣщенія, и по прежнему лицомъ къ стѣнѣ, меня-же на этотъ разъ усадила рядомъ съ собою. Тутъ-же около себя положила бубенъ и поставила кувшинъ съ водою. Одинъ кусокъ мыла отложила въ сторону, а другой оставила у себя на колѣнахъ, для операціи. Затѣмъ развернула иголки и стала вкалывать ихъ вдоль мыла, образуя двѣ параллельныя линіи. Покончивъ съ этимъ, Нурбиби подъ звуки бубна пропѣла призываніе къ дѣлу освобожденія меня отъ неудовольствія Коткотъ, Бога и добрыхъ духовъ, а потомъ стала отгонять злыхъ духовъ, мотая головою и часто выкрикивая: «кочъ, кочъ, кочъ» т. е. прочъ, прочъ, прочъ, сплевывая въ сторону и дую то на меня, то на мыло съ воткнутыми иголками, то въ носокъ кувшина, отчего происходило бульканіе воды. Продолжая отгонять злыхъ духовъ, она вскорѣ стала вынимать изъ мыла иголки одну за другою, ломать ихъ и бросать въ кувшинъ съ водою. Усиливая постепенно свои пріемы отогнанія, крича изъ всей силы: кочъ, кочъ и неистово мотая головою, она дошла до того, что стала задыхаться и не шутку испугала меня, когда съ силою потянула въ себя воздухъ, глаза закатила подъ-лобъ, откинула голову назадъ и когда по лицу и по тѣлу ея пробѣжала конвульсія и дрожь, Я чуть не крикнула: довольно! воды! Но ста-

рушка сама быстро оправилась, поднялась съ своего мѣста и приказала мнѣ опустить голову. Когда я исполнила, она простерла руки надъ моею головою и стала водить ими въ разныя стороны и кругомъ, точно совершая пассы, употребляемые въ гипнотическихъ сеансахъ. Въ то-же время она дула мнѣ на голову. Это былъ финалъ леченія меня отъ мнимаго страха.

— Этимъ мыломъ и этою водою нужно умываться, сказала Нурбиби. Чтобы воды хватило на болѣе продолжительное время, можно наливать немного этой воды въ обыкновенную воду, даже одной капли довольно, потому что и одна капля имѣетъ ту-же чудодѣйственную силу, что и вся вода въ кувшинѣ. Умываться слѣдуетъ надъ проточною водою, надъ арыкомъ, чтобы вмѣстѣ съ проточною водою убѣгала вдоль отъ вашего дома и вода, смывающая страхъ и болѣзнь.

— А что, пріѣхали-ли ваши родные, какъ я предсказала? спросила Нурбиби, окончивъ свое дѣло.

— Нѣтъ еще! отвѣчала я, но они пріѣдутъ, я получила письмо.

— Нѣтъ-ли извѣстія и о пропавшемъ ребенкѣ?

За недѣлю, прошедшую между первымъ посѣщеніемъ Нурбиби и вторымъ, я кое-что узнала о мальчикѣ, исчезнувшемъ изъ родительскаго дома. Я сообщила старушкѣ, что ребенокъ принадлежитъ къ мужскому полу, что мальчику двѣнадцать лѣтъ, лицо у него блѣлое съ родинкой на щекѣ, около уха, что наскучивъ домашнею жизнью, онъ убѣжалъ къ дядѣ, который живетъ съ отцемъ и матерью въ одномъ изъ городовъ, лежащихъ по линіи желѣзной дороги. Мать убѣжавшаго мальчика получила письмо отъ своего брата, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что сынъ ея живъ и здоровъ и въ скоромъ времени возвратится домой.

Старушка торжествовала. Оказывается, что изъ испытанія она вышла побѣдительницею.

Отѣхавъ отъ сартовскаго города и выбравъ мѣсто, гдѣ не было сартовъ, я хотѣла-было вылить воду изъ кувшина, но вода оказалось очень мутною и я раздумала, сообразивъ, что ее слѣдуетъ показать доктору, чтобы узнать, не содержитъ-ли она какихъ-нибудь лекарственныхъ веществъ.

Самаркандскій городской врачъ Николай Николаевичъ Сапожниковъ, къ которому я обратилась, по истеченіи нѣсколькихъ дней со дня поѣздки къ Нурбиби, нашелъ, что въ моемъ кувшинѣ была обыкновенная арычная вода, мутная потому, что насыщена глиною и известью.

МУХАРАМОЙ.

Названная фольбинъ живетъ въ бѣдной и грязной обстановкѣ. Она 60-ти лѣтъ, уроженка г. Самарканда, жена угольщика. Крошечный трехъугольный дворъ, который скорѣе можно-бы назвать прихожею, чѣмъ дворомъ, и на которомъ невозможно держать не только животныхъ, но и птицъ, ведетъ въ грязную саклю. Въ правой стѣнѣ, считая отъ входа, проломана арка въ смежную саклю или чуланчикъ, наполненный углемъ, и надо предположить, что изъ этого чуланчика есть выходъ на мужскую половину, такъ какъ иной двери, кромѣ входной, нигдѣ не видно. Восточный уголъ сакли, налѣво отъ входа отдѣленъ запавѣскою изъ маты: тамъ жилище пари. Но пари Мухарамой не разговариваетъ во всеуслышаніе, какъ пари чаръчиракъ, а дѣйствуетъ, по словамъ самой гадалки, внушеніемъ.

Мухарамой грязная, какъ ея жилище, покрытая угольною пылью, узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, тотчасъ-же приступила къ своему дѣлу. Предложивъ мнѣ табуретъ съ ватнымъ одѣяломъ, она сама сѣла на полъ, лицомъ къ занавѣскѣ, достала изъ жилища пари бубенъ и принялась за призываніе добрыхъ духовъ и отогнаніе злыхъ. Призываніе заключало въ себѣ длинный перечень собственныхъ именъ, среди которыхъ опять-таки чаще другихъ повторялось имя Сулеймана т. е. Соломона, а отогнаніе— въ отрицательномъ мотаніи головою и въ громкомъ выкрикиваніи звука бррр... Мухарамой не вкладывала души въ свое призываніе, а потому не производила впечатлѣнія. Она казалась только ремесленницею. По окончаніи молитвы, она отвернула уголь занавѣски и просунула туда голову для бесѣды съ пари. Бесѣда продолжалась не долго. Мухарамой произнесла: «Барыня будетъ счастлива и богата, но въ настоящее время она не совсѣмъ здорова, у нея болитъ сердце и кружится голова. Это происходитъ отъ того, что на барыню сердится, за невниманіе къ нему, ея духъ Кохказъ. Двѣ недѣли тому назадъ, а можетъ-быть два дня, а можетъ-быть два часа назадъ, барыня ѣла что-то у арыка, въ саду, и духъ въ это время наслалъ на нее болѣзнь. Ей нужно лечиться.»

Хотя я и чувствовала себя совершенно здоровою, но отказаться отъ леченія не намѣревалась, такъ какъ это давало возможность узнать еще способъ врачеванія, а потому и просила Мухарамой приступить къ обряду.

Старушка, какъ чаръ-чиракъ и Нурбиби, отложила леченіе до другого раза, объясняя, какъ и первыя двѣ, необходимость подготовки.

Уголь, отдѣленный занавѣской, возбуждалъ любопытство; я спросила: откуда взялся, обитающій здѣсь пари и самъ-ли онъ выбралъ этотъ уголь своимъ мѣстопробываніемъ?

Мухарамой рассказала:—Ни мой отецъ, ни моя мать и никто изъ предковъ не занимался ворожбой и леченіемъ и всѣ они жили просто, а потому и мнѣ въ голову не приходило предаваться этому занятію. Между тѣмъ Господь сулилъ иначе! Мой пари требовалъ, чтобы я прибѣгла къ его помощи, а я не понимала его требованій. Пари наказалъ меня. Онъ отнял у меня одного за другимъ семь человекъ дѣтей, а потомъ чуть не убилъ и меня. Я заболѣла, слегла и пять лѣтъ не вставала съ постели. Одинъ разъ, когда я особенно усердно молилась о выздоровленіи, пари посредствомъ внушенія открылъ мнѣ, чѣмъ я должна заниматься. Когда я наконецъ узнала на что обречена и дала слово сдѣлаться ворожеей и лекаркой, то вдругъ выздоровѣла. Я и теперь сожалею, что своего призванія не поняла ранѣе. И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ я прозрѣла, я гадаю и лечу посредствомъ внушенія пари. Этотъ уголъ я сама отдѣлила, тоже по внушенію моего духа, чтобы нечистыя руки не касались его жилища.

Если Мухарамой бѣдна фантазіей и ничего не можетъ придумать, чтобы сдѣлать свое гаданіе интереснымъ, то къ дѣлу обрядности леченія она прилагаетъ большое усердіе.

Вотъ какъ она совершила этотъ обрядъ надо мною. Мы привезли съ собою въ назначенный день, по ея просьбѣ, кусокъ сырого мяса, живую курицу, новый кувшинъ, два куска мыла и пачку швейныхъ иголъ. Занавѣска, отдѣляющая жилище пари, была откинута и въ углу я увидѣла такой-же ватный тюфячокъ, какъ и у чаръ-чиракъ, мѣдный, ярко-вычищенный тазикъ, бубень и зеркальце. Последнее она вынула и прислонила къ стѣнѣ. Передъ зеркаломъ поставила чашу съ водою, а подлѣ чаши утвердила пучокъ связанныхъ свѣчей, иначе сказать тонкихъ лучинъ, обмокнутыхъ въ сало, и зажгла весь пучокъ, а

одну свѣчу обыкновенную, сальную, зажгла и прилѣпила ко дну тазика. Отъ этой иллюминаціи въ саклѣ, не имѣющей оконъ, распространился сильный смрадъ.

Подлѣ чашки съ водою Мухарамой поставила другую такую-же чашку, наполненную травою, спаленною солнцемъ, называемую испандъ. Тутъ-же положила палочку съ привѣшеннымъ къ ней краснымъ лоскутомъ (одежда пари) и гибкую вѣтвь какого-то дерева.

Принявъ отъ переводчицы привезенное нами мясо, старуха сказала, что приготовить изъ него кушанье для угощенія бѣдныхъ старухъ и тотчасъ-же куда-то его спрятала, такъ-же какъ и одинъ кусокъ мыла. Меня усадила на низенькій табуретъ, подлѣ зеркальца, покрыла голову мою и лицо кисейнымъ платкомъ, а въ руки дала привезенную нами курицу, съ обязательствомъ держать ее до окончанія церемоніи. Я протестовала противъ закрытія лица. Старуха настаивала, увѣряя, что по просьбѣ ея изъ зеркала выйдетъ пари и опустится въ чашку съ водою, а такъ какъ я не имѣю права видѣть его, то и должна закрыть лицо. Я опровергла ея доводъ заявивъ, что такъ какъ не достойна видѣть пари, то не увижу его и съ открытымъ лицомъ, а что подъ покрываломъ мнѣ душно. Мухарамой разрѣшила мнѣ придерживать одною рукою кисею такъ, что-бы лицо было открыто.

Сама старуха усѣлась на полу противъ зеркала и подлѣ меня, а передъ собою поставила кувшинъ, наполнивъ его предварительно водою; тутъ-же положила кусокъ мыла, воткнувъ въ него нѣсколько иголъ. Прежде, чѣмъ приступить къ призыванію добрыхъ духовъ, Мухарамой взяла въ руки бубенъ и сказала:

— Положите деньги въ чашку съ водою,—пари будетъ это пріятно. Я опустила въ воду одну серебряную монету. Старуха осталась не довольна, ссылаясь на то, что

пари удивится такой бездѣлицѣ, что онъ разсердится и накажетъ меня, такъ какъ ему извѣстно, что относительно другихъ ворожей я была щедра.

Не трудно было догадаться, что старуха говорила съ Нурбиби и узнала отъ нея о недовольствѣ мною пари Кох-казъ (или Кошкотъ) и что благодаря этому явилось тождественное заявленіе двухъ старухъ, а также и денежный расчетъ.

Сообразивъ все это, я, однако-же, не проговорила о своей догадкѣ, а относительно денегъ пояснила, что по нашему обычаю благодарятъ по окончаніи труда, а не въ началѣ.

Старуха успокоилась и приступила къ обряду. Ея призыванія добрыхъ духовъ и отогнанія злыхъ окончились какимъ-то дикимъ визгомъ, съ которымъ она подняла обѣ руки къ небу, а потомъ закрыла ими лицо и низко наклонила голову. Для меня это было сигналомъ того, что пари вышелъ изъ зеркала и опустился въ воду. Послѣ благоговѣйнаго молчанія, Мухарамой прочувствованнымъ голосомъ произнесла нѣсколько благодарственныхъ словъ духу и встала, знакомъ призывая меня къ тому-же. Затѣмъ взяла вѣтвь и обмахивала ею мою голову, плечи и платье—это она изгоняла изъ меня болѣзнь, а затѣмъ тою-же вѣтвью махала въ воздухъ, направляя взмахи отъ меня т. е. отгоняя болѣзнь совсѣмъ. Послѣ этого послѣдовало обмахиваніе меня одеждою пари. Въ заключеніе Мухарамой вывела меня за руку на дворикъ и посадила на табуретъ, а сама развела не большой костеръ. Здѣсь, на дворѣ, была приготовлена у нея просаленая тряпица, привязанная къ палкѣ. Тряпицу она зажгла и, взявъ за ручку этотъ горящій флагъ, стала быстро махать имъ, дѣлая круги надъ моею головою, такъ близко къ волосамъ, что я удивляюсь, какъ она ихъ не подпалила. Кругомъ меня стоялъ дымъ и чадъ. Это про-

должалось пока тряпка не истлѣла. Курица, придерживаемая мною все время, скромно сидѣла, ничѣмъ не выражая ни малѣйшаго поползновенія измѣнить свое положеніе или освободиться. Мухарамой, покончивъ операцію съ зажженою тряпкою, взяла у меня изъ рукъ птицу и осторожно иглою проколола ей гребень,—показалась капля крови.

Старуха сняла эту каплю пальцемъ и тѣмъ-же пальцемъ потеряла мнѣ темя, уши и ладони рукъ, призывая на меня благословеніе Божіе и святыхъ пророковъ. А затѣмъ пустила курицу на дворикъ, подбросивъ ей немного, такъ что та взлетѣла. Финалъ обряда заключался въ томъ, что въ небольшомъ углубленіи среди двора Мухарамой положила нѣсколько горячихъ углей, на нихъ пепелъ сожженной тряпки, а сверху высыпала горсть травы испандъ. Показалась струйка дыма. Черезъ этотъ дымокъ Мухарамой предложила мнѣ пройти три раза.

Возвращая мнѣ мыло и кувшинъ съ водою, старуха снабдила тѣмъ-же наставленіемъ, относительно умыванія, какъ и Нурбиби. Кромѣ того она дала мнѣ горсть травы испандъ, предлагая въ случаѣ возврата болѣзни окуриваться ею, бросая по щепоткѣ на горячія уголья.